

Протопопъ Аввакумъ. Въ той же самой нынѣшней Нижегородской губерніи, гдѣ родился патріархъ Никонъ, около 1620 года родился и знаменитый его противникъ, протопопъ Аввакумъ, вождь тѣхъ, которые, не согласившись подчиняться новымъ порядкамъ жизни, отдѣлились отъ церкви. Отецъ его, священникъ села Григорова за рѣкой Кудмой, прилежалъ «питія хмельнаго». Мать же его была, напротивъ, постница и молитвенница. Аввакумъ былъ даровитый мальчикъ, чуткій душою и отзывчивый на всѣ явленія жизни. Какъ-то разъ на дворѣ сосѣда ему пришлось наблюдать, какъ околѣвала корова. Онъ былъ страшно пораженъ этимъ. Его самого стала страшить смерть. Ночью онъ вскочилъ съ постели и сталъ горячо молиться о своей душѣ, поминая смерть. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно придерживался обычая ночной молитвы. Выучившись читать, онъ съ жаромъ предавался чтенію книгъ священнаго писанія, св. отцовъ церкви и различныхъ сборниковъ. Подъ вліяніемъ этого чтенія у него созрѣла мысль о подвижнической жизни. Но мать, въ это время овдовѣвшая, задумала женить сына. Покорный сынъ матери, юноша только молился Богородицѣ, чтобы она дала ему жену, помощницу во спасеніе. Сирота-односельчанка, дѣвушка небожная и самоотверженная, искренно полюбившая Аввакума, стала женой его и вѣрнымъ спутникомъ его трудной жизни. 22 лѣтъ Аввакумъ былъ посвященъ въ священники въ село Лопатицы. На службѣ священника онъ проявилъ необыкновенную ревность. Не мало было почитателей такого пастыря. Къ нему на домъ приводили бѣсноватыхъ (нервно-больныхъ), прося исцѣлить ихъ, и онъ держалъ ихъ въ своемъ домѣ, лѣча ихъ молитвой и священнымъ масломъ.

Но больше было такихъ въ числѣ прихожанъ Аввакума, коимъ не правилась строгость ихъ священника. Въ числѣ ихъ былъ и мѣстный начальникъ. Аввакуму даже пришлось бѣжать отъ его преслѣдованія въ Москву. Въ Москвѣ его пріютили царскій духовникъ Стефанъ Вои-

фатьевъ и протопопъ Казанскаго собора Иванъ Нероновъ. Они выхлопотали для Аввакума царскую грамоту, утверждающую его священникомъ въ Лопатицахъ. Съ этой грамотой отправился онъ въ свой приходъ и снова началъ служить, какъ и прежде. Пришли какъ-то въ Лопатицы вожакъ медвѣдей съ скоморохами, бубнами. Народъ высыпалъ и окружилъ этихъ удалыхъ молодцовъ. Вдругъ среди толпы появился разгнѣванный Аввакумъ и началъ обличать бѣсовскія игрища. Онъ попросту выгналъ изъ села скомороховъ и медвѣжатниковъ, изломалъ ихъ шутовскія маски и инструменты, отнялъ самыхъ медвѣдей и пустилъ ихъ въ поле. Въ это время плылъ мимо Лопатицъ по Волгѣ бояринъ Василій Петровичъ Шереметьевъ, направляясь въ Казань на воеводство. Жители, недовольные самоуправными поступками своего священника, пожаловались на него боярину, и послѣдній призвалъ его къ себѣ на судъ. Долго онъ бранилъ Аввакума, а потомъ, или проникнувшись уваженіемъ къ нему, или просто по обычаю, попросилъ благословить сына своего Матвѣя. Передъ Аввакумомъ предсталъ этотъ сынъ, и суровый ревнитель старины не вѣрилъ своимъ глазамъ: Шереметьевъ-сынъ былъ обрить.

Увидѣвъ такой нечестивый образъ, онъ не только отказался благословить его, но и отъ писанія порицалъ, такъ что вспылившій Шереметьевъ приказалъ было бросить его въ Волгу. Въ рѣку священника, правда, не бросили, но проводили съ судна побоями.

Когда положеніе Аввакума въ Лопатицахъ стало невыносимымъ, то онъ, снова побывавъ въ Москвѣ, получилъ приходъ въ Юрьевцѣ-Повольскомъ. Но и здѣсь своими безстрашными обличеніями мірскихъ слабостей общества Аввакумъ въ короткое время вызвалъ противъ себя неудовольствіе. Однажды толпа въ 1500 человекъ, мужчинъ и женщинъ, съ батогами и рычагами атаковали избу, гдѣ Аввакумъ занимался соборными дѣлами. Аввакумъ былъ вытащенъ на улицу и побитъ чуть не до смерти. Еле-еле отбилъ его отъ разъяренной толпы отрядъ пушкарей, присланный воеводой.

Аввакумъ бѣжалъ въ Москву.

Въ это время вокругъ московскихъ покровителей Аввакума, царскаго духовника Вонифатьева и протопопа Ивана Неронова, сгруппировался цѣлый кружокъ лицъ, стремившихся дѣйствовать на общество, которое стало забывать добрые обычаи русской старины и склоняться къ иноземцамъ. Изъ такихъ ревнителей особенно выдавался протопопъ Иванъ Нероновъ, скоро сталъ славиться и Аввакумъ. Казанскій соборъ не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ

Протопопъ Аввакумъ.

туда проникнуть, когда тамъ говорилъ поученіе Иванъ Нероновъ. Трогательна и умилительна была его рѣчь. Зато чисто-народнымъ складомъ говорилъ свои проповѣди Аввакумъ: «Ну-ка! Воспрянь и исповѣдуй Христа Сына Божія громко предо всѣми. Полно таиться. Само царство небесное въ ротъ валится, а мы все ждемъ и время тянемъ».

«Недоброе время наступало», записалъ впоследствии Аввакумъ въ описаніи собственной жизни. «Въ постъ Россіи бысть знаменіе: солнце затмилось въ 162 году (7162 —

5508 = 1654) передъ міромъ за мѣсяць или меньше. Плывъ Волгою рѣкою арх. Симеонъ сибирскій и въ полудне тьма бысть предъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ: часа съ три, плачучи, у берега стояли, солнце померче, отъ запада луна подтекала. Въ то время Никонъ отступникъ вѣру казиль (искажалъ) и законы церковныя». Еще Великимъ постомъ 1653 г. Никонъ разослалъ по церквамъ указъ не творить земныхъ поклоновъ въ Четыредесятницу, исключая четырехъ большихъ, при чтеніи: «Господи, владыко живота моего», и креститься тремя перстами, а не двумя. «И мы», рассказываетъ Аввакумъ, «сошедшия между собою, увидѣли, что зима хоцетъ быти, сердце наше озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь, а самъ одинъ сокрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: «Время приесть страданія! Подобаеть вамъ неослабно страдати». И, дѣйствительно, когда Никонъ узналъ о сопротивленіи его распоряженіямъ со стороны кружка Неронова, то скоро сослалъ, лишивши скуфьи, Неронова въ Вологду, а Аввакумъ не могъ уже править службы въ Казанскомъ соборѣ. Онъ удалился въ домъ Неронова и тамъ сталъ совершать богослуженія, и сторонники его убѣждали народъ собраться къ нему, замѣчая, что «въ иную пору и конюшня лучше церкви бываетъ». Патріархъ не могъ стерпѣть такого соблазна. И вотъ, въ субботу 13 августа 1653 г., лишь только Аввакумъ собрался съ братією въ сушильнѣ Нероноваго дома на всенощное бдѣніе, явился патріаршій бояринъ со стрѣльцами, сковалъ Аввакума, надѣлъ ему на шею цѣпь и въ такомъ видѣ отвезъ его въ Андроньевъ монастырь, бросивъ его тамъ въ темный погребъ.

Въ сентябрѣ привезли Аввакума изъ Андроньева монастыря въ Успенскій соборъ, гдѣ должно было состояться разстриженіе Аввакума по опредѣленію патріарха. Но въ соборѣ, предъ самымъ рѣшительнымъ моментомъ, царь Алексѣй Михайловичъ не вытерпѣлъ, вдругъ сошелъ со своего мѣста и при всѣхъ началъ просить патріарха остановить разстриженіе. Мягкій царь любилъ въ душѣ учительное слово суроваго протопопа. Никонъ уважилъ просьбу царя,

и Аввакумъ съ сохраненіемъ духовнаго сана былъ отправленъ въ Сибирь.

13 недѣль везли сосланнаго протопопа съ семьей до Тобольска, и не мало нужды и лишеній пришлось имъ вытерпѣть на этомъ долгомъ пути. Но въ Тобольскѣ положеніе Аввакума неожиданно оказалось весьма благопріятнымъ. Тобольскій архіепископъ самъ былъ въ душѣ противникомъ Никоновыхъ новшествъ. Онъ принялъ Аввакума съ полнымъ радушіемъ и далъ ему приходъ. Но скоро пришелъ изъ Москвы указъ причислить Аввакума къ военному отряду, отправляемому на далекій Амуръ для изысканія тамъ удобныхъ мѣстъ къ поселенію и для основанія русскихъ крѣпостей. Началось для протопопа исполненное ужасныхъ лишеній плаваніе по рѣкамъ восточной Сибири. Ъхали на первобытныхъ дощаникахъ, плоскодонныхъ баркахъ, среди дикой природы. Рѣки были бурныя, то и дѣло встрѣчались пороги, на которыхъ путникамъ не разъ приходилось подвергать опасности самую жизнь. А вдоль рѣкъ стояли мрачныя скалы, на которыя поглядѣть «такъ, заламя голову» (слова Аввакума). Особенно давалъ себя чувствовать недостатокъ пищи: питались травой, сосновой корой и даже падалью. «Что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ», писалъ впоследствии Аввакумъ: «и сталъ я волею-неволею причастенъ къ мертвечьимъ звѣринымъ мясамъ».

Во главѣ отряда стоялъ жестокой самодуръ, воевода Пашковъ, который не зналъ иного средства обращенія съ подчиненными, какъ побой. «Рѣка мелкая», писалъ Аввакумъ, «плоты тяжелыя, люди голодные, а тутъ пристава немилостивые, батоги суковатыя, пытки жестокия. Иного стануть мучить — анъ и умереть». Аввакумъ не могъ оставаться равнодушнымъ, видя жестокости Пашкова. Со стороны послѣдняго послѣдовала жестокая расправа, о которой такъ передаетъ Аввакумъ: «А се бѣгутъ человекъ съ 50: взяли мой дощаникъ и помчали къ нему; версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ, да кормилъ ихъ: и они бѣдные и ѣдятъ и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣютъ по мнѣ. Привели дощаникъ; взяли меня палачи, привели предъ него: онъ же, яко дикій звѣрь,

ударилъ меня по щекѣ, тоже по другой, и паки въ голову и сбилъ меня съ ногъ и, чекань ухвата, лежакаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболлокни, по той же спинѣ семьдесятъ два удара кнутомъ. А я говорю, Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помоги мнѣ! Да то же, да то же безпрестанно говорю. Такъ горько ему, что не говорю «пощади!». Ко всякому удару молитву говорилъ. Да посреди побой вскричалъ я къ нему: «Полно бить-то!» Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: «За что ты меня бьешь? Вѣдаешь ли?» И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ, и отпустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ меня въ казенный дощаникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть (поперечную скрѣпу въ баркѣ) кинули. Осень была: дождь на меня шелъ, всю ночь подъ капелію лежалъ».

Съ наступленіемъ весны отрядъ двинулся въ путь. Воевода не далъ Аввакуму подводы, и, кое-какъ пристроивъ дѣтей на телѣгу, протопопъ съ женою долженъ былъ брести за отрядомъ пѣшкомъ. Трогательно описываетъ Аввакумъ, какъ шли они съ женою, когда уже миновало лѣто и опять въ лицо путниковъ дохнула суровая сибирская зима: «Страна варварская, иноземцы немирные. Отстать отъ лошадей не смѣешь, а за лошадьми не поспѣешь, голодные, томные люди. Протопопица бѣдная бредеть-бредеть, да и повалится, — сколько гораздо! На меня, бѣдная, пѣняетъ: «Долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти». Она же, вздыхая, отвѣчала: «Добро, Петровичъ, ино еще побредемъ».

Терпя преслѣдованія отъ Пашкова, Аввакумъ пріобрѣлъ любовь среди многихъ людей его отряда и даже среди семейства самого воеводы. Среди семейныхъ воеводы установился взглядъ на Аввакума, какъ на неповиннаго страдальца и даже чудотворца. Сноха Пашкова приглашала его лѣчить ея сына; а разъ протопопъ совершилъ для нея чудо уже не надъ людьми, а надъ курами. «У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали», рассказываетъ самъ протопопъ. «Такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ де батько пожаловалъ, помолился о ку-

рахъ. И я, ну, подумалъ: кормилица то есть наша; дѣтки у ней; надобно ей курки! Молебень пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покрошилъ, да къ ней все и отослалъ. Куры, Божиимъ мановеніемъ, исцѣлѣли и исправились по вѣрѣ ея».

Шесть лѣтъ провелъ Аввакумъ въ отрядѣ Пашкова. Вдругъ пришли изъ Москвы два указа: одинъ, смѣнявшій Пашкова съ воеводства, другой, возвращавшій Аввакума въ Москву. Пашковъ поѣхалъ съ ратными людьми впередъ, а Аввакума оставилъ съ одними почти больными и стариками, думая, что съ такимъ конвоемъ протопопъ погибнетъ на пути отъ иноземцевъ. Съ радостью собирался Аввакумъ въ Москву, гдѣ, думалось ему, снова возсіяло древнее благочестіе. Иначе зачѣмъ же вызывали его изъ ссылки. Великодушно выкупили онъ у казаковъ одного изъ приспѣшниковъ Пашкова, который сдѣлалъ ему не мало зла. Но другого помощника Пашкова казаки ни за что не хотѣли отдать Аввакуму. Конечно, они отплатили ему за все, что вынесли отъ него въ воеводство Пашкова. Уже на пути онъ догналъ протопопа и молилъ спасти его отъ погони и лютой смерти. Сжалился Аввакумъ и, ни разу въ жизни не солгавшій, на этотъ разъ прибѣгъ ко лжи. Онъ спряталъ бѣглеца подъ кроватью, на которую положилъ свою жену съ дочерью, а догнавшимъ его казакамъ сказалъ: «Иѣтъ того здѣсь, кого вы ищете» Всю лодку обыскали казаки, а постели не тронули: «Опочивайте, матушка! И такъ ты, государыня, горя потерпѣлась!» и ушли. Такъ-то ѣхалъ Аввакумъ, вооруживъ лодку крестомъ, вмѣсто всякаго оружія. Лучезарной звѣздой горѣла для него надежда полной побѣды той истины, за которую онъ страдалъ.

Но въ Москвѣ его ждало глубокое разочарованіе. Оказывается, тѣмъ «еретическая» еще была въ полной силѣ. Въ раздумьѣ спрашивалъ Аввакумъ жену: «Говорить мнѣ или молчать?» Жалѣлъ онъ свое семейство. На это мужественная жена Аввакума отвѣчала: «Поди, поди въ церковь, Петровичъ, обличай ересь!»

Причиною возвращенія Аввакума былъ разрывъ царя съ Никономъ. Ласково встрѣтился царь съ протопопомъ. «Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «Здорово ли де, протопопъ, живешь, еще де видѣться Богъ велѣлъ». И я супротивъ руку его цѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «Живъ Господь, жива душа моя, царь-государь, а впредь что изволить Богъ!» Онъ же, миленькій, вздохнулъ, да и пошелъ, куды надобѣ ему. И иное кое-что было, да что много говорить. Прошло уже то!» По приѣздѣ въ Москву Аввакумъ начинаетъ играть видную роль въ Москвѣ. Онъ часто появляется на собраніяхъ у Ртищева, вступая тамъ въ жаркіе споры съ «никонианами». Къ этому же времени относится и его вліяніе на боярыню Морозову. Не ограничиваясь этимъ, Аввакумъ писалъ царю Алексѣю Михайловичу челобитья, въ которыхъ убѣждалъ царя отмѣнить Никоновы новшества, возстановить двуперстіе и другіе прежніе обряды. Въ нихъ онъ говорилъ приблизительно такъ: «Воздохни-тко по старому, какъ при Стефанѣ бывало, добренько, и рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя грѣшнаго! А киріелейсонъ-отъ оставь; такъ ельняня говорятъ: плюнь на нихъ. Ты вѣдь, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ; не унижай его и въ церкви, и въ дому, и въ пословицахъ». Въ отвѣтъ на эти челобитья-«Лгаж вбел ии илзвгя» : члзззззз ондггя огггю ллллзззззз вввв ютсз : церкви де ты запустошилъ. Поѣдь въ ссылку опять». Аввакума заточили въ далекую Мезень. Вопросъ же о церковныхъ исправленіяхъ рѣшено было отдать на разсмотрѣніе вселенскимъ патріархамъ, которые ѣхали въ Москву судить Никона.

17 іюля 1667 года Аввакумъ предсталъ на соборѣ, чтобы дать отвѣтъ патріархамъ. Патріархи указали на то, что всѣ христіанскія страны: и Палестина, и сербы, и римляне, и ляхи крестятся тремя, а не двумя перстами. Аввакумъ возразилъ: «Вселенскіе учителя, Римъ давно упалъ. Ляхи съ ними же погибли. А у васъ православіе пестро стало отъ насилія турецкаго Махмета. И впредь приѣзжайте къ намъ учиться. До Никона отступника въ нашей Россіи

у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь не мятежна». Патріархи продолжали убѣждать его долгими рѣчами. Аввакумъ на это преспокойно замѣтилъ: «Ну, вы посидите, а я полежу», отошелъ къ двери, да и легъ на полъ. Соборъ предалъ Аввакума проклятію, а царь постановилъ сослать его въ Пустозерскъ. Здѣсь его заключили въ срубъ, вкопанный въ землю, въ которомъ онъ пробылъ безвыходно 15 лѣтъ. Но изъ глубины своей земляной тюрьмы Аввакумъ не переставалъ руководить раскольничьимъ движеніемъ. Онъ наполнялъ свое одиночество молитвой и писательствомъ. Прошло 15 лѣтъ. Аввакумъ вдругъ надумалъ обратиться къ царю съ посланіемъ, опять съ призывомъ вернуться къ старинѣ и порвать связи съ иноземцами. Русскій престолъ въ это время занималъ сынъ Алексѣя Михайловича Феодоръ, воспитанникъ Симеона Полоцкаго, наученный польскому языку, женатый на полькѣ. Посланіе Аввакума, рѣзкое, какъ и всѣ его сочиненія, рѣшило его судьбу. Определено было предать его огненной казни. Вотъ какъ изображаетъ раскольничье преданіе послѣднія минуты протопопа-богатыря: «Собрался народъ и снялъ шапки. Дрова подождгли, замолчали всѣ, Аввакумъ сложилъ двуперстный крестъ и началъ говорить народу: «Вотъ, будете этимъ крестомъ молиться, вовѣкъ не погибнете, а оставите его, городокъ вашъ погибнетъ, цескомъ запсестъ; а погибнетъ городокъ, настаетъ и свѣту конецъ!» Огонь охватилъ казнимыхъ и одинъ изъ нихъ закричалъ, Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщавать... Такъ и сгорѣли».